

УДК 94(47)/930.2

БЕСЕДИНА Е.А., БУРКОВА Т.В.,
Россия, г. Санкт-Петербург

**«Письмо получено, пишите своим ключом...»:
русская социал-демократия против
практики перлюстрации в 1905-1907 гг.**

Статья посвящена роли переписки в революционной практике русской социал-демократии в 1905-1907 гг. Система обмена информацией между местными комитетами и лидерами способствовала не столько передаче важных сведений в обход карательных органов, сколько поддержанию групповой принадлежности и корпоративного единства партийцев.

Ключевые слова: Российская империя, социал-демократия, Первая русская революция 1905-1907 гг., перлюстрация, цензура, криптография.

**Besedina E.A., Burkova T.V.,
Russia, St. Petersburg**

**“Letter received, write with your key ...”: Russian social- democracy
against the practice of perlustration in 1905-1907**

The article is devoted to the role of correspondence in the revolutionary practice of Russian social democracy in 1905-1907. The system of exchange of information between local committees and leaders contributed not so much to the transfer of important information bypassing the punitive authorities, but to the maintenance of group affiliation and corporate unity of the party members.

Keywords: Russian Empire, social-democracy, First Russian revolution of 1905-1907, perlustration, censorship, cryptography.

Переписка между партийными лидерами Российской социал-демократической рабочей партии, находившимися в эмиграции, и местными партийными организациями в годы Первой русской революции была важнейшим каналом обмена информацией, способствовала установлению и поддержанию партийного единства. Несмотря на то, что к 1905 г. социал-демократическое «большинство»

под руководством В.И. Ленина и «меньшинство», ведомое Ю.О. Мартовым и П.Б. Аксельродом, оформились в самостоятельные коллегии, имевшие независимые друг от друга системы связи с комитетами, принципы организации переписки являлись общими.

Поддержание письменного сообщения между руководящими органами и региональными социал-демократическими организациями стало важнейшей функцией т.н. «комитетчиков» — руководителей партийных организаций в России. Местные комитеты по всей России (всего к марту 1905 г. насчитывалось 65 комитетов и 105 групп) были вдалеке от «многоходовых шахматных комбинаций» партийных лидеров. Поэтому непонимание причин разногласий в верхах часто приводило к замешательству в местных комитетах [1, л. 2]. Принципиальное отличие «комитетчиков» в России от социал-демократических лидеров-эмигрантов того времени состояло в том, что «комитетчики» еще не имели четких политических разногласий между собой. Меньшевики и большевики на местах, игнорируя нюансы теоретических расхождений, зачастую консолидировались на основе общего понимания целей своей политической борьбы. Поэтому тенденции к размежеванию, уже зародившиеся в эмигрантской среде, еще не успели докатиться до самой России. Это запаздывание в 1904-1905 гг. имело свое положительное значение, поскольку российская социал-демократия на местах продолжала действовать единым фронтом.

Специфические условия деятельности РСДРП в рассматриваемый период определяли характер и интенсивность ведения партийной переписки. Отметим, что на этапе подъема революции (январь—октябрь 1905 г.) социал-демократия активно использовала ее как канал сообщения. Однако затем, в «дни свобод», наступивших после принятия Манифеста 17 октября, когда почти все партийные лидеры вернулись из эмиграции, интенсивность письменных сообщений значительно снизилась. В дальнейшем ситуация качественно изменилась. На передний план вышли задачи практической деятельности, оттеснив в сторону переписку, которая еще недавно являлась чуть ли не главным показателем напряженности партийной работы. Так, «комитетчики» Крымского союза и редакция меньшевистской «Искры» в феврале 1905 г. обменялись взаимными упреками в том, что между региональной организацией и партийным центром не установлено письменного сообщения, а сведения о положении дел приходилось черпать из легальных газет. Отсутствие прочных связей между соци-

ал-демократическими организациями заставило центр усомниться в «революционной дееспособности» Крыма [2, л. 2,3].

Кроме того, на появлении элементов «вялости» партийной переписки сказался и отъезд значительной части лидеров в «ближнюю» эмиграцию в 1906 г., преимущественно, в Финляндию [3], в связи с чем, по-прежнему, важной оставалась практика и возможность личного общения.

Социал-демократическая переписка периода Первой российской революции отличалась рядом характерных черт, свойственных, как революционному подполью в целом, так и РСДРП, в частности. Как особая группа, «комитетчики» из числа социал-демократов во многом инициировали выработку собственного языка, позволявшего кодировать информацию в условиях нелегального и полулегального существования. Этот специфический язык не был находкой «комитетчиков». Он скорее стал продолжением и творческим развитием системы, основы которой заложили еще народники. Следует признать, что возникновение этого языка стало не столько следствием потребности комитетчиков в соблюдении правил конспирации, сколько стремлением подчеркнуть свою революционную корпоративность. Это был своеобразный «ритуал для посвященных», игравший консолидирующую роль, способствовавший осознанию революционерами своей «избранности» в общественной жизни страны.

Между тем, в связи с развитием революционного движения в конце XIX в. - начале XX в., увеличения числа групп, организаций различных партий и их участников, общий уровень конспиративности в оппозиционной среде снизился. Какое-то время не придавалось особого значения обучению членов революционных организаций конспиративным правилам и приемам. По остроумному замечанию историка Т.А. Соболевой, «предполагалось как бы, что конспиративные приемы даются от рождения или приобретаются с практикой» [4, с. 313].

Социал-демократия уделяла большое внимание практике эпистолярной конспирации. В «корпоративном» языке революционеров активно использовались пароли, псевдонимы, шифры и другие приемы, унаследованные от предшествовавших поколений борцов за революционную идею [5, с. 118]. Так, В.И. Ленин давал настойчивые советы своим соратникам по партии наладить «правильную конспиративную переписку».

Конспиративная лексика отражала основные стороны революционной практики: организационные термины, слова, связанные с проведением собраний, массовок, наименования типографских принадлежностей, обозначение классовых врагов, провокаторов, слова, обозначающие арест, тюрьму и сопутствующие им понятия (например, «сапоги» — конспиративное название паспорта, «тетенька» — подпольная типография, «эпидемия» — массовые аресты, «дяденька» — динамит) [6, с. 172]. На самом деле, эти приемы были хорошо известны Департаменту полиции. Поэтому, с точки зрения авторов данной статьи, использование условных знаков служило главным образом, не столько цели секретной передачи информации, сколько оказывалось важным для партийцев элементом поддержания группового единства партийного сообщества.

Характерной особенностью переписки стало использование различных вариантов шифрования корреспонденции. Шифровка являлась сложным делом. Составляли шифры люди, как правило, имевшие математическое образование. В качестве «пособия» для шифрования корреспонденции в подпольной среде имели хождение специальные брошюры (кстати, с помощью тех же изданий и сведений, полученных от провокаторов и филеров, чиновники Департамента полиции довольно успешно осуществляли дешифровку корреспонденции, попадавшей в их руки) [7; 8]. Например, Т.А. Соболева, рассматривая шифры революционного подполья в русле общей криптографической традиции в отечественной истории, приводит в качестве примеров тринадцать наиболее часто употреблявшихся способов шифрования. Самым распространенным и удобным, а, главное, надежным, считался метод на основе использования текста какой-нибудь книги, т.н. «книжный шифр» [4, с. 313-328]. У каждого из видов шифров имелась своя география распространения и конкретный автор. При этом шифры, использовавшиеся в переписке с заграницей, отличались от шифров внутрироссийских корреспонденций. А.В. Синельников также отметил, что использование при шифровании доступных изданий демократического толка способствовало их распространению [9].

Довольно часто из-за стремления социал-демократов сохранить конспиративность своих посланий возникала путаница в шифрах, корреспонденции невозможно было дешифровать, что вносило сумятицу в процесс информирования и выработки общих решений. Естественно, переписываясь с товарищами, революционеры ни на минуту

не забывали, что их корреспонденция интересует не только непосредственных адресатов, но и карательные органы.

Перлюстрация стала одним из основных каналов (наряду с наружным наблюдением и использованием наружной агентуры) получения Департаментом полиции сведений о текущей деятельности российских радикалов еще с 1880-х гг. [10] Нарастание революционного движения в России заставило власти распространить опыт деятельности «черных кабинетов» (так называли орган, занимавшийся перлюстрацией и дешифрованием корреспонденции, и помещение, служащее для этих целей, обычно тайная комната в почтовом отделении. Название от соответствующей французской службы (фр. Cabinet Noir)) из сферы контроля дипломатической корреспонденции в сферу контроля переписки российских подданных. Практика перлюстрации, по сути, являлась незаконной. Она нарушала положения многих документов, в частности, Уголовного уложения 1903 г., хоть и не вступившего в полную силу на всей территории империи, но в ст. 541-546 практически впервые предусматривавшего право частных лиц на защиту от произвольного (без санкции властей) ознакомления с содержанием частной переписки. Кроме того, в ст. 368 Устава Уголовного судопроизводства (ред. 1892 г.) был определен порядок осмотра и выемки почтовой корреспонденции лишь у лиц, против которых возбуждено уголовное преследование. По данным Департамента полиции, через цензуру проходило ежегодно по всей стране около 380000 писем, из которых делалось от 8000 до 10000 выписок [11, с. 279]. Перлюстрированная переписка социал-демократических организаций периода Первой российской революции отложилась в фонде Особого отдела Департамента Полиции, хранящегося в Государственном Архиве Российской Федерации.

Для осуществления перлюстрации «черные кабинеты» были организованы в С.-Петербурге, Варшаве, Одессе, Киеве, Харькове, Риге, Вильно, Тифлисе, Томске, Казани, Нижнем Новгороде [12, с. 15; 13]. Эти структуры существовали негласно, под прикрытием Цензуры иностранных газет и журналов при Главном управлении почт и телеграфов, а жалованье сотрудники получали из секретного фонда. «Черные кабинеты» были оснащены необходимым техническим оборудованием для обработки корреспонденции. Чаще всего конверт держали над паром, клей размягчался, и письмо легко можно было извлечь и копировать. Затем письмо заклеивалось так, чтобы его адресат и не подозревал, что содержимое уже известно полиции.

В учреждениях, занимавшихся перлюстрацией, служили высококвалифицированные специалисты, знавшие множество языков: «По большей части эти чиновники-лингвисты были иностранцами по происхождению, но русскими подданными; среди них выделялись немцы, зачастую говорившие по-русски с акцентом, но отличные чиновники и специалисты этого дела» [14, с. 90]. Перлюстрация являлась довольно монотонным делом, требовавшим сосредоточенного внимания. Долгая практика вырабатывала у цензоров особое «чутье», которое способствовало практически безошибочно выбирать нужные письма в огромном потоке корреспонденции: «Черта под именем, какой-нибудь бледный знак на конверте, особая форма букв на адресе или адрес “для”, точка или крестик и т.п. были достаточны, чтобы остановить их внимание» [14, с. 90].

Среди сотрудников «черных кабинетов» имелись настоящие мастера своего дела. Многие мемуаристы (М.Е. Бакай, П.П. Заварзин и др.) чрезвычайно высоко оценивали профессионализм «главного перлюстратора» Ивана Александровича Зыбина: «Он был фанатиком, чтобы не сказать маньяком, своего дела. Простые шифры он разбирал с первого взгляда, зато более сложные приводили его в состояние, подобное аффекту, которое длилось, пока ему не удавалось расшифровать документ» [15; 16, с. 501].

В условиях перлюстрации важным элементом организации подпольной эпистолярной практики стала система адресов, по которым направлялась корреспонденция. Адреса подразделялись на постоянные, временные и случайные. Постоянные адреса действовали, как правило, несколько месяцев, после чего они считались уже опасными для связи и либо ликвидировались, либо консервировались. Временные адреса служили для кратковременных связей с целью договориться об установлении постоянных. В исключительных случаях, когда не имелось возможности найти более надежный способ общения, использовались непроверенные (случайные) адреса. Отдельно устанавливались адреса для писем и для получения нелегальной печати. Как правило, адресатом являлось какое-либо предприятие или учреждение. В таких случаях получатель либо не указывался, либо им являлось подставное или вымышленное лицо [17, с. 89].

В целом, социал-демократам более или менее успешно удавалось сохранять в тайне свою корреспонденцию и систему адресов. Тем не менее, серьезные провалы тоже происходили. В период нарастания революции осенью 1905 г. в С.-Петербурге находился В.И. Ле-

нин. Прибыв из эмиграции в «дни свобод», он начал активно сотрудничать в газете «Новая жизнь», считавшейся первым легальным изданием большевиков. Однако в октябре 1905 г. газету закрыли, а в ее редакции произвели обыск: «Во время этого обыска полиции удалось захватить записную книжку, содержащую адреса явок, пароли, ключи к шифрам, которыми пользовались члены большевистской партии в 63 городах России, то есть почти все большевистское подполье» [4, с. 330]. Вероятно, эта записная книжка принадлежала Н.К. Крупской, поскольку она вела переписку между центральными большевистскими учреждениями РСДРП и местными организациями, и только она располагала такими обширными сведениями. Записи в книжке были зашифрованы, но полиции удалось их расшифровать и получить, тем самым, важнейшую информацию. В записной книжке указывались ключи к шифрам – книги, брошюры и т.п. В переписке применялись, в основном, книжный и стихотворный шифры [4, с. 330-331]. Сведения, почерпнутые полицией из этого источника, позволили ей провести массовые аресты членов организаций РСДРП по всей стране, причем особенный урон был нанесен Московской партийной организации.

Существуют и иные примеры. Так, З.И. Перегудова изучила переписку, осуществлявшуюся между Департаментом полиции и Московским охранным отделением по поводу расшифровок записей в материалах, принадлежавших Н.Ф. Агаджановой, арестованной уже после окончания революции по делу Московской организации РСДРП. Несколько месяцев сотрудники Департамента пытались расшифровать записи революционерки, но безуспешно [11, с. 283].

Таким образом, переписка в социал-демократическом движении превратилась в важнейшую повседневную практику, участие в которой рассматривалось революционерами как свидетельство их профессиональной состоятельности. Ритуализированная партийная переписка социал-демократов стала средством обеспечения корпоративного единства в ситуации, когда спорадически разбросанные местные комитеты в России были отделены от руководства партии, находившегося, преимущественно, за границей. Партийная переписка стала неотъемлемым элементом революционной повседневности, которому придавали большое значение, как сами партийцы, так и карательные органы.

Примечания

1. О настроениях местных партийцев накануне III съезда РСДРП, призванного преодолеть раскол, см.: О наличии “ужасной путаницы” в отношении фракционных принципов писал корреспондент в Центральный Комитет в начале апреля 1905 г., сообщая о положении дел в Бакинской организации. Автор письма передавал наиболее распространенное среди местных партийцев, и не только на Кавказе, мнение относительно перспектив III съезда: “Надеются, что он примирит враждующих, если нет – пусть разругаются до конца” // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 417.

2. Переписка редакции новой “Искры” с Крымским союзом РСДРП об изоляции Союза от ЦК, о составе и технике Союза, об отношении к III съезду РСДРП, о получении литературы, о конференции комитетов Союза, о меньшевистской конференции. Ранее 22 (9) февраля – 10 ноября (27 октября) 1905 г. // РГАСПИ. – Ф. 278. – Оп. 1. – Д. 191.

3. *Некоз Н.Д.* Связи большевистской эмиграции с партийными организациями России. – Киев; Одесса: Вища школа, 1987. – 257 с.

4. *Соболева Т.А.* История шифровального дела в России. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; Образование, 2002. – 510 с.

5. *Горбунов А.В.* Личная переписка как источник для изучения социальной психологии революционеров-разночинцев 70-х гг. XIX века: (по материалам процесса “193-х”) // Проблемы истории СССР: сб. ст. Вып. 7 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ист. фак.; редкол.: С.С. Дмитриев (отв. ред.) и др. М., 1978. – С. 116-126.

6. О классификации конспиративной лексики см.: *Блажес В.В.* Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. – Свердловск: изд-во УрГУ, 1987. – 200 с.

7. *Махновец В.П. (В. Бахарев).* О шифрах. – Женева: тип. Союза [Рус. Социал-демократов], 1902. – 24 с.

8. *Бундовец (Розенталь П.И.)* ...Шифрованное письмо: Критика употребляемых у нас систем шифра. – Женева: Бунд, 1904. – 112 с.

9. *Синельников А.В.* Шифры и революционеры России. URL: http://www.hrono.info/libris/lib_s/shifr00.html (дата обращения: 03.05. 2021).

10. *Жаров С.Н.* Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 189-200.

11. *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880-1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 2000. – 430 с.

12. *Измозик В.С.* Глаза и уши режима: гос. полит. контроль за населением Сов. России в 1918-1918 гг. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1995. – 164 с.

13. *Измозик В.С.* Черный кабинет. К истории перлюстрации в России // Родина. – 2000. – № 10. – С. 48-54.

14. *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры // “Охранка”: воспоминания руководителей охранных отделений: в 2 т. Т. 2. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – С. 7-138.

15. *Бакай М.Е.* Из воспоминаний: о черных кабинетах в России // Былое. – 1908. – № 7. – С. 119-133.

16. Интересно, что упоминание о И.А. Зыбине и его дальнейшей судьбе можно найти в “Записных книжках” знаменитого французского писателя и философа Альбера Камю: “Зыбин, непревзойденный дешифровщик Охранки, оставлен на той же должности в ГПУ” // *Камю А.* Творчество и свобода: ст., эссе, записные книжки / пер. с франц. / сост. и предисл. К. Долгова; коммент. С. Зенкина. – М.: Радуга, 1990. – 602 с.

17. *Ансимов Н.Н.* Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903-1917 гг.). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 150 с.

УДК 81.373.21

КОСОЛАПОВ В.В.,
Россия, г. Геленджик

Толкование ойконима Геленджик

В статье дано толкование ойконима «Геленджик». По мнению автора, он переводится с тюркского языка как «маленькая невестка». В статье показано, что популяризация бренда «белая невесточка» могла бы дополнительно привлечь на отдых в Геленджик многие семьи с детьми.

Ключевые слова: ойконим, Геленджик, белая невесточка, бренд, семейный туризм, инфраструктура, морской город-курорт.

**Kosolapov V.V.,
Russia, Gelendzhik**

Interpretation of the oikonym Gelendzhik

Article gives an interpretation of the oikonym “Gelendzhik”. According to the author, it is translated from Turkic language as “little daughter-in-law”. Article shows, that the popularization of brand “white daughter-in-law” could additionally attract many families with children to Gelendzhik.

Keywords: oikonym, Gelendzhik, white daughter-in-law, brand, family tourism, infrastructure, sea resort town.